

УДК81'42; 81'71

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ОБЫДЕННОЙ И СТИХИЙНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В. Д. Черняк^{1, @, *}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

@ vdcher@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей») и № 15-04-00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»)

Аннотация: В статье рассматриваются различные формы и способы представления семантики слова в обыденной и стихийной лексикографии. Обыденная лексикография представляет результаты метаязыковой деятельности испытуемых, реализуемой в процессе ассоциативного эксперимента по заданным лексикографами параметрам. «Народная лексикография», осуществляемая в проекте «Викилексия», даёт возможность объёмно представить все аспекты семантики слова в живом функционировании. Стихийная лексикография, особенно характерная для современной публицистики, демонстрирует формы освоения нового слова и представляет разные стратегии коммуникации автора и читателя. Особые очертания стихийная лексикография приобретает при интерпретации политической лексики. В художественной литературе стихийная лексикография особенно часто демонстрирует различия тезаурусов коммуникантов и способы преодоления коммуникативных неудач. Словарная форма, наблюдаемая в современной литературе, также использует элементы обыденной и стихийной лексикографии. В статье показаны сходства и различия в интерпретации семантики слова разными направлениями «народной» лексикографии.

Ключевые слова: семантика слова, обыденная лексикография, стихийная лексикография, языковая рефлексия, лексикографические проекты.

Для цитирования: Черняк В. Д. Представление семантики слова в обыденной и стихийной лексикографии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 202 – 207.

Многогранная научная деятельность Николая Даниловича Голева проникнута духом антропоцентризма, его работы и работы его учеников и последователей [см. 15] органично вписываются, по образному выражению В. Г. Демьянкова, в «парадигму с человеческим лицом» [7]. Разноаспектное исследование языковой личности и языкового сознания привело Н. Д. Голева к реализации новых лексикографических проектов, что представляется абсолютно закономерным. По справедливому замечанию В. Д. Девкина, «все не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятным, не всесторонне осмысленным. Только он обеспечивает обзорность, комплексность и системность рассмотрения» [6, с. 14].

Развитие в последние десятилетия отечественной ассоциативной лексикографии, в арсенале которой сегодня более 20 словарей, в том числе таких фундаментальных изданий, как «Русский ассоциативный словарь» [9, с. 196 – 204], принципиально ориентировано на словарное воплощение языкового сознания носителя языка. Ассоциативные словари являются сегодня важнейшим инструментом разнообразных лингвистических исследований. Исследование семантики слова с помощью ассоциативных словарей «однозначно свидетельствует о несводимости реально существующего в сознании носителей языка значения слова к его краткой дефиниции в толковом словаре» [13, с. 175]; ассоциативные поля, получаемые в результате ассоциативных экспериментов, отражают значение слова как социокультурную реальность [14]

и выявляют специфику как коллективного, национального, так и индивидуального языкового сознания (последнее особенно важно для изучения идиолекта писателя). Пристальный анализ ассоциативных полей свидетельствует и о том, что в свободном ассоциативном эксперименте отражается рефлексия испытуемых над словом, проявляющаяся как в толкованиях, представленных в качестве реакции (достаточно редких), так и в разнотипных реакциях, обнаруживающих языковую рефлексивность лишь в процессе интерпретации результатов эксперимента.

Н. Д. Голев поставил перед исследователями актуальную задачу выявления разных направлений метаязыковой рефлексии рядового носителя языка и представления их в лексикографической форме. Эта задача нашла чрезвычайно интересную реализацию в «Словаре обыденных толкований русских слов» [12], отразившем коммуникативный опыт испытуемых, их рефлексивность над часто используемыми словами. Очень представительной группе испытуемых (4 тыс. человек разных социальных групп и возрастов!) в доступной для рядового носителя языка форме задавались вопросы, стимулирующие метаязыковую деятельность (например: «Назовите первые пришедшее на ум фразы, в составе которых есть следующие слова?»; «Какие слова приходят на ум, когда Вы слышите следующие слова?»; «Как Вы считаете, почему так названо явление, обозначенное следующим словом?»; «Какие предметы и явления могут быть названы следующими словами?») [1, с. 48 – 49]. Ответы на вопро-

сы задают формы репрезентации семантики слова (дефиниционная, ассоциативная и ассоциативно-номинативная) и определяют структуру словарной статьи (значение, ассоциации, фразы, объекты называния, созвучия, этимология). Первый том словаря («Лексика природы») представляет захватывающие сюжеты бытования слова в сознании современной языковой личности. Так, например, в толкованиях и ассоциациях своеобразно вырисовывается «расслоение языкового сознания на обыденное и научное, а лексика – на общеупотребительную и специальную» [8, с. 83].

Показательны в этом отношении попытки категоризации лексемы **арбуз** (*ягода* в научной картине мира, *овощ*, *фрукт*, *плод* – в обыденном сознании): *ягода; большая ягода; большая полосатая ягода; вкусный фрукт; большой сладкий фрукт с семечками; плод; огромный фрукт; сладкая мочегонная ягода; ягода, относящаяся к бахчевым культурам; ягода, хоть и большая по размеру; утоляющий жажду овощ; фрукт, растет на земле* и т. п. Своеобразное соотнесение обыденного, научного и квазинаучного знания обнаруживается в попытках истолкования мифического существа. Ср. извлечения из зоны «значение» в словарной статье **единорог**: *животное с одним рогом; сказочное животное с одним рогом; мифическое животное с одним рогом; животное Африки; парнокопытное животное, имеющее один рог; древнее животное; животное из рода парнокопытных, имеющее отличный признак – один рог на лбу; млекопитающее; морское животное; рогатое животное из сказок.*

Особый интерес в «Словаре обыденных толкований» представляет, с нашей точки зрения, зона «**этимология**», в которой великолепно отражены попытки испытуемых вскрыть внутреннюю форму слова. Образцы наивной этимологизации показывают, сколь причудливыми оказываются ассоциативные связи в языковом сознании. В. М. Мокиенко, рассматривая весьма распространенные наивные этимологии русской фразеологии, отмечает, что обыденная лексикография открывает простор для псевдонаучных «герменевтических» толкований [10, с. 250]. Метаязыковая рефлексия не только актуализирует элементарную лингвистическую компетенцию, но и выявляет «ассоциативные проекции игрового слова» [4, с. 148]. Приведем некоторые примеры подобных «этимологий». **Абрикос**: *внутри содержится КОСточка (в нем есть косточка «кос»); кос – это от слова косточка; абри – заимствовано, «кос» – косточка; африканский кокос; брусника: от слова «брусок», «брус»; «ика» – окончание многих ягод, брус – может быть, листья похожи на бруски; от «рус», «обрусел», назвали приезжие люди; от слова обрусевший; бегония: бежит; пускает побеги; с иностранного языка означает «много побегов или цветов»; стебли как бы разбегаются от самого растения; бабочка: гусеница в коконе похожа на бочку; животное женского пола, туловище как бочка; окончание на «чка», потому что маленькая; от английского слова «баттерфляй»; багульник: священный, от бога; растение Бога; растение свободно растет в поле, как бы «гуляет».*

Новый проект «Викилексия», реализуемый под руководством Н. Д. Голева [2], продолжает исследование обыденного метаязыкового сознания и «народной лексикографии» с опорой на возможности Интернета. В отличие от известных Википедии и Вики-словаря, преследующих чисто прагматическую цель быстрого получения необходимой справки, он опирается на научную концепцию обыденного сознания и призван актуализировать усилия непрофессиональных лексикографов. Четко заданные параметры (зоны) словарной статьи (обозначены цифрами) дисциплинируют лексикографов-любителей и направляют их метаязыковую деятельность для получения максимально полной информации о слове. Приведем два примера словарной статьи: одна лексема относится к обиходной лексике, другая – к общественно-политической.

АТМОСФЕРНО 1.1. душевно, весело, в приятной компании 1.2. слово употребляется после посещения какого-либо меро-приятия или заведения. Еще это слово можно употребить после того, как с друзьями посидели у кого-нибудь дома. 1.3. это слово носит позитивную оценку 1.5. «Атмосферно посидели!» 2.1. Слово нравится, необычное, непафосное, юморное 3.2. Атмосферно может быть на паре, когда с преподавателем поговорили о жизни. 3.3. Это слово встречалось на форуме, посвященном аниме. Но знаю его не оттуда.

ПРАВОСЛАВИЗАЦИЯ 1.1. сознательное или стихийное придание статуса (свойств, признаков) православной религии нерелигиозным явлениям. 1.2. в последнее время распространилось в прессе (видимо, после появления в школьных программах курса православной культуры). 1.3. негативный смысл (употребляется в основном в дискурсе противников усиления православия). 1.4. В 2000-х можно уже говорить о возникновении такого феномена, как православизация элиты; Дискуссия о «православизации» российской школы достигла точки кипения. 1.5. Еще не устоялось, поэтому пишется как в кавычках, так и без кавычек. 2.1. иноязычный суффикс -изация после русской основы уже не задевает языковое чувство. 3.3. В интернете отмечено многократно (в Яндексе – на 1000 страниц). В словарях не зафиксировано. Было бы интересно исследовать данное слово, как и другие слова такого рода в плане использования – неиспользования кавычек.

Как справедливо отмечает Н. Д. Голев, основная сфера деятельности «народных лексикографов» – новая лексика, которая в силу своей непривычности и частой агнонимичности стимулирует метаязыковую рефлексию.

Попытки сформулировать значение нового слова обнаруживаются в так называемой стихийной лексикографии, представленной как в публицистике, так и в художественной литературе. Различие между этими двумя тесно связанными понятиями представляется существенным. Если обыденная лексикография, принципы которой убедительно сформулированы Н. Д. Голевым, осуществляется по векторам, разработанным профессиональными лексикографами, и в идеале должна представить объемный портрет слова в его повседневном бытовании, то стихийная лексикогра-

фия фиксирует рефлексив (нередко спонтанную) говорящего или пишущего и направлена на достижение взаимопонимания между автором и адресатом. Активно используемое «стихийное» лексикографирование в современном дискурсе является естественной реакцией пишущих на происходящие в языке и обществе процессы, а также необходимым условием успешной коммуникации. В процессе метаязыковой деятельности автор (журналист или писатель) использует различные способы интерпретации нового слова, которые зависят и от жанровой природы текста, и от интенций автора, и от потенциального адресата. Приведем несколько примеров из различных типов текста:

Маваси – характерную набедренную повязку сумоистов – в России делают из плотного, жесткого материала, напоминающего пожарный гидрант. А вот в Японии ее изготавливают из шелка и льна (МК в Питере. 2–9. 10. 2013).

Клетки массово производят различные молекулы. Перемещают их внутри себя, посылают в окружающее пространство – наш организм. Но перед этим упаковывают эти молекулы в **везикулы** – в микроскопические пузырьки. Именно в таких «контейнерах» «перевозятся» гормоны, управляющие многими функциями организма, нейромедиаторы, которые задействованы в передаче нервных импульсов (Комсомольская правда. 08.10.2013).

Перед ним стояла высокая, крупная женщина лет сорока. Впрочем, ее крупность вполне могла оказаться зрительно преувеличенной широкими брюками и широкой же клетчатой рубахой. На ногах у нее были резиновые боты, заляпанные свежей землей, а голову перетягивала косынка... или это нужно называть «**бандана**»? Как правильно в наше время называть платок на голове? Зависит ли слово от того, кому принадлежит голова – женщине или мужчине? Или зависит от того, как сильно косынка надвинута на лоб? Или от узора на ткани? В васильках – косынка, а с индейским орнаментом – бандана? Чудеса. Язык наш, может, и велик, и могуч, но отдельные его носители как-то не очень (Т. Гармаш-Роффе. Ведь я еще жива).

– Слушай, старик, тебе работа нужна? Такая тема... Словом, нам сейчас нужен будет человек на должность **хаускипера**.

– Кого-кого?

– Хаускипера. По старинке – начальника АХУ.

– По старинке ничуть не лучше.

– Ну, снабжение, понимаешь? Начальник административно-хозяйственного управления. Порошки-салфетки... ну, что там по хозяйству бывает...

Митя был сбит с толку поворотом событий и словом «хаускипер». <...> Митя взял англо-русский словарь <...> Он раскрыл на букву “Н” и нашел нужное слово. “Housekeeper, – прочитал он. – Домохозяйка” (Д. Гуцко. Русскоговорящий).

Очевидно, что различные объекты стихийного лексикографирования демонстрируют и различные стратегии автора: могут использоваться перевод, элементарное объяснение, раскрытие внутренней формы слова, описание значимых семантических компонентов. Заметим, что нередко газетные толкования до-

словно или почти дословно повторяют словарные статьи из Википедии, которая оперативно восполняет отсутствующую в лексикографических изданиях информацию. Как показывают приведенные примеры, стихийное лексикографирование в художественном тексте нередко осуществляется в игровой форме.

Как справедливо пишет Н. Д. Голев, «вопросы лингвистики на народных порталах естественным образом перетекают в вопросы политики, промежуточным звеном такого перехода выступают суждения участников дискуссий о проблемах, имеющих социолингвистическое, юрислингвистическое, этнолингвистическое содержание» [3, с. 35]. Убедительным подтверждением этому служат словарная форма, активно используемая в современной публицистике, интернет-проекты «Дар слова», «Слово года», «Неологизм года», «Словарь перемен». Словотворчество и неразрывно связанная с ним языковая рефлексия отражают непрерывные изменения в «живом русском речевом продукте», «драмы времени», «острые блюда» языковой эпохи [5]. При семантизации политической лексики на первый план выступает рефлексия не по поводу слова, а по поводу явления, им номинированного.

Словарная форма стала активно использоваться как литературный прием и в современной художественной литературе. Приведем в качестве примера книгу воспоминаний Ю. Рытхэу с примечательным названием «Дорожный лексикон». Разделы книги, представленные в алфавитном порядке, не только позволяют произвольно выбирать для чтения любой фрагмент текста, но и демонстрируют в отдельных частях явные пересечения со «Словарем обыденных толкований». В процессе когнитивной обработки новых впечатлений, человек соотносит увиденное с имеющимся в тезаурусе стереотипами. Разрушение стереотипа в процессе освоения действительности прекрасно показано в главе «**Арбуз**»:

«Соответственного слова в чукотском языке нет и не было. Об этом удивительном плоде теплой земли мне было известно совсем немного – по изображению в школьном учебнике по ботанике. Нечто полосатое и неправдоподобное. Встреча с настоящим удивительным плодом была удивительной и запомнившейся на всю жизнь. Это случилось поздней осенью 1948 года на пути с Чукотки в Ленинград. ...В своих скитаниях по городу мы забрели на городской рынок. ... Перед нами вдруг ожили бледные картинки из школьных учебников, баночных этикеток!... Мы несколько раз прошлись по рядам, вглядываясь в каждый плод – огурец, помидор, яблоко, морковь. Кое-что мы узнавали, но большинство земных плодов для нас были совершенно незнакомы...» [11, с. 23 – 24].

Приемы стихийной лексикографии в художественной литературе очень часто используются для демонстрации различий тезаурусов коммуникантов и способов преодоления коммуникативных неудач. Приведем несколько примеров:

Поздним вечером, перед уходом, я спросил:

– Что такое обертон, Наталья Дмитриевна?

Она не глядя, через плечо, сунула руку в стеллаж, вынула из толщи книг том энциклопедии с отгоревшим золотом на корочке и корешке, полистала и про-

чла: «Обертон» – ряд дополнительных тонов, возникающих при звучании основного тона, придающих звуку особый оттенок или тембр... (В. Астафьев. Обертон).

– Какая прелесть..., – выдохнула Катя. – Дом с мезонином.

– А что такое мезонин? – спросил Костя.

– От французского слова «мэзон» – значит дом. А мезонин – маленький домик.

– Откуда вы знаете?

– Я закончила искусствоведческий. Но вообще – это знают все.

– Кроме меня, – уточнил Костя (В. Токарева. Стрелец).

В заключение отметим, что при очевидной общности обыденной лексикографии, стихийной лексикографии и элементов дефиниций толковых словарей

между ними наблюдаются существенные различия, связанные, прежде всего, с различными целями и различными стратегиями текстового воплощения языковой рефлексии. Стихийная лексикография в значительной степени основывается на интуиции пишущего, связана с его языковым вкусом, обыденная же лексикография, опирающаяся на заданные стратегии профессиональных лексикографов, призвана объемно представить семантику живого слова. Успешность стихийного лексикографирования зависит от уровня лексикографической компетенции пишущего, его знания словарей, умения выбрать оптимальные способы объяснения слова, от степени его ответственности перед читателем [15, с. 36]; успешность обыденной лексикографии определяется тщательностью проводимого эксперимента, продуманными формами интерпретации его материалов.

Литература

1. Голев Н. Д. «Викилексия» – народный интернет-словарь: инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2014. № 2(6). С. 31 – 67.
2. Голев Н. Д. (1) Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2(4). С. 48 – 64.
3. Голев Н. Д. (2) Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4(45). С. 30 – 37.
4. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3. С. 148 – 157.
5. Гусейнов Г. Лексикограф в аду // Словарь перемен – 2014 / сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2015. С. 5 – 10.
6. Девкин В. Д. Очерки по лексикографии. М.: Прометей, 2000. 394 с.
7. Демьянков В. Г. Парадигма с человеческим лицом: человек и его язык // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию Ю. Н. Караулова: сб. статей. М.: Изд. РУДН, 2006. С. 391 – 414.
8. Денисов П. Н. О переходе словесного субъективизма в историческую необходимость // Словарь. Грамматика. Текст: сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М., 1996. 480 с.
9. Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с.
10. Мокшенко В. М. Русская фразеология в Интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) // Медиалингвистика. 2013. Т. 1. С. 244 – 252.
11. Рытхэу Ю. Дорожный лексикон. СПб.: Журнал «Звезда», 2010. 520 с.
12. Словарь обыденных толкований русских слов: Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2011. 500 с.
13. Стернин И. А., Рудакова А. В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 174 – 183.
14. Уфимцева Н. В. Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2. С. 83 – 92.
15. Черняк В. Д. Стихийная лексикография как инструмент освоения нового слова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3. С. 30 – 36.
16. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. 640 с.

Информация об авторе:

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, vdcher@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегия 01.02.2016 г., Принята к печати 20.06.2016 г.

LEXICAL MEANING AS INTERPRETED IN QUOTIDIAN AND IMPROMPTU LEXICOGRAPHY

Chernyak Valentina D.^{1, @, *}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

@ vdcher@yandex.ru

* The work was supported by the RFH Grant No. 15-04-00318 («Sociocultural factors as motivational basis for dictionary typology») and No. 15-04-00122 («Pragmatic potential of the language sign: semasiological and lexicographical aspects»)

Abstract: The paper discusses different forms and means of lexical meaning representation in quotidian and impromptu lexicography, as well as common and different trends in word meaning interpretation within different subdivisions of folk lexicography.

By quotidian lexicography we understand the results of metalinguistic activity stimulated by associative priming experiments with pre-established lexicographic parameters. Studying folk lexicography that is thriving in the Wikilexia project allows for demonstrating all aspects of lexical meaning in its daily functioning. Impromptu lexicography, ubiquitous in contemporary journalism, sheds light on the means of interpreting new words and represents different communicative strategies employed by writers and readers, especially when dealing with interpreting words related to politics. In fiction, impromptu lexicography often shows the difference between thesauri of interlocutors and ways of overcoming communication breakdowns. Dictionary form as employed in contemporary literature also incorporates elements of quotidian and impromptu lexicography.

Keywords: lexical meaning, quotidian lexicography, impromptu lexicography, linguistic self-reflection, lexicographic projects.

For citation: Chernyak V. D. Lexical meaning as interpreted in quotidian and impromptu lexicography. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 202 – 207.

References

- Golev N. D. «Vikileksiia» – narodnyi internet-slovar': innovatsionnyi leksikograficheskii proekt [Wikileksiia – a popular online dictionary: a lexicographical innovation project]. *Voprosy leksikografii – Problems of lexicography*, no. 2(6) (2014): 31– 67.
- Golev N. D. (1) Slovar' obydennykh tolkovanii slov: kontseptsii i opyt realizatsii [The Dictionary of ordinary interpretations of the words: the concept and implementation experience]. *Voprosy leksikografii – Questions of lexicography*, no. 2(4) (2013): 48 – 64.
- Golev N. D. (2) Obydennyi politicheskii diskurs: metaiazykovo i metalingvisticheskie aspekty [Ordinary political discourse: metalinguistic and metalinguistically aspects]. *Politicheskaiia lingvistika. – Political linguistics*, no. 4(45) (2013): 30 – 37.
- Gridina T. A. Assotsiativnyi potentsial slova kak osnova lingvisticheskoi kreativnosti: eksperimental'nye dannye [Associative potential of words as the basis for linguistic creativity: experimental data]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, no. 3 (2015): 148 – 157.
- Guseinov G. Leksikograf v adu [Lexicographer in hell]. *Slovar' peremen – 2014* [The Dictionary changes – 2014]. Comp. Vishnevetskaia M. Moscow: Tri kvadrata, 2015, 5 – 10.
- Devkin V. D. *Ocherki po leksikografii* [Essays on lexicography]. Moscow: Prometei, 2000, 394.
- Dem'iankov V. G. Paradigma s chelovecheskim litsom: chelovek i ego iazyk [Paradigm with a human face: the man and his language]. *Iazykovaialichnost': tekst, slovar', obrazmira. K 70-letiiu Iu. N. Karaulova* [Language personality: the text, the dictionary, the image of the world. To the 70th anniversary of Karaulov Yu. N.]. Moscow: Izd. RUDN, 2006, 391 – 414.
- Denisov P. N. O perekhode slovesnogo sub"ektivizma v istoricheskuiu neobkhodimost' [The transition of verbal subjectivity in historical necessity]. *Slovar'. Grammatika. Tekst* [The Dictionary. Grammar. Text]. Ed. Karaulov Iu. N., Liapon M. V. Moscow, 1996, 480.
- Kozyrev V. A., Cherniak V. D. *Russkaia leksikografiia: vek nyneshnii i vek minuvshii* [Russian lexicography: present and past age]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Izd. RGPU im. A. I. Gertsena, 2015, 631.
- Mokienko V. M. Russkaia frazeologiya v Internete (kul'turologicheskie i istoriko-etimologicheskie kommentarii) [Russian language in the Internet (cultural and historical-etymological comments)]. *Medialingvistika – Metalinguistic*, vol. 1 (2013): 244 – 252.
- Rytkeu Iu. *Dorozhnyi leksikon* [Road lexicon]. Saint-Petersburg: Zhurnal «Zvezda», 2010, 520.
- Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov: Leksika prirody. T. 1: A–M (ABRIKOS – MURAVEI) (478 slov-stimulov)* [The dictionary of ordinary interpretations of Russian words: the Vocabulary of nature in 2 volumes, Vol. 1: A–M (APRICOT – ANT) (478 words-incentives)]. Ed. Golev N. D. Kemerovo: Izd-vo Kem. un- ta, 2011, 500.
- Sternin I. A., Rudakova A. V. Problemy sozdaniia psikholingvisticheskogo tolkovogo slovaria russkogo iazyka [Problems of creation of psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, no. 16 (2012): 174 – 183.

14. Ufimtseva N. V. Znachenie slova kak otobrazhenie sotsiokul'turnoi real'nosti [The meaning of the word as a display of socio-cultural reality]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, no. 2 (2015): 83 – 92.
15. Cherniak V. D. Stikhiinaia leksikografiia kak instrument osvoeniia novogo slova [Spontaneous lexicography as an instrument of learning new word]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Novosibirsk state pedagogical University*, no. 3 (2014): 30 – 36.
16. *Iazykovaia lichnost': modelirovanie, tipologiia, portretirovanie. Sibirskaia lingvopersonologiia*. [Linguistic personality: modeling, typology, painting. Siberian lingopresley]. Ed. Golev N. D., Spilnaia N. N. Moscow: LENAND, Part 1 (2014): 640.

Received 01.02.2016, accepted 20.06.2016.